

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

РАСКОПКИ В ФИВАХ

Нам уже приходилось говорить на страницах «Востока» о раскопках нью-йоркского музея изящных искусств в Египте, — в тот раз мы останавливались на раскопках Липтской пирамиды, производившихся Мэсом в сезон 1921 — 22 гг. Теперь я хочу сказать несколько слов о раскопках, ведшихся в то же самое время и той же самой экспедицией, в Фивах. Если работы в Липте велись строго систематически, по определенному плану и в концентрированном месте, то того же самого нельзя сказать о работах близ Фив. Здесь раскопки велись более разбросанно, как по месту, так и по хронологическим слоям, но все же они дали богатый и интересный материал.

Главное внимание американской экспедиции привлекли в фиванском некрополе могильные храмы фараонов XI династии: Ментухотепа III и V, царствовавших в конце XX века до Р. Х., и гробницы, их окружающие. Исследователям приходилось, конечно, касаться и позднейших периодов, так как за недостатком места фиванцы часто принуждены были для устройства своих могил пользоваться древними гробницами. Отсюда то смешение эпох, которое мы постоянно видим в фиванском некрополе, и та несистематичность в работе, которая из этого проистекает. Уинлок в своем отчете о раскопках в Фивах (Part II of the Bulletin of the Metropolitan Museum. N. Y. Dec. 1922) часто перескакивает с одиннадцатой династии на восемнадцатую и с восемнадцатой на двадцатьпятую, чего, конечно, при разнообразии находимых памятников, невозможно было избежать.

Главные работы по очистке и раскопке храма Ментухотепа V были произведены уже в предшествующие годы, теперь же исследователям удалось довольно точно установить принадлежность этого могильного храма именно этому фараону одиннадцатой династии. Это оказалось возможным благодаря следующей счастливой находке. Высоко в горах, на половине дороги между этой неоконченной могилой, которая приписывалась раньше Ментухотепа V, и могилой Ментухотепа III в Дейр-эль-Бахри, на краю извилистой горной тропки находится скала, покрытая множеством имен и надписей, принадлежащих жрецам одиннадцатой и двенадцатой династий. Некоторые из них тут же указали место своей службы в храмах Ментухотепа III и V. Так как храм в Дейр-эль-Бахри несомненно принадлежал Ментухотепа III, то раскапываемый могильный храм, очевидно, должен был принадлежать Ментухотепа V. Пока это косвенное указание не будет опровергнуто, мы не имеем достаточных оснований его оспаривать.

Я уже говорил о близком чередовании в фиванском некрополе различных культурных слоев, — храм Ментухотепа V, фараона одиннадцатой династии, дает этому ряд реальных подтверждений. Здесь в течение двух лет был найден целый ряд погребальных колодцев, принадлежавших позднейшим поколениям.

Владелец одного из них нам известен, так как имя его сохранилось на обрывке ткани с его мумии. Это — один воин, служивший, очевидно, в войске Тутмоса Первого, который подарил ему кинжал, найденный в той же самой могиле. Тут же исследователи нашли его лук, обломки его кресла из черного дерева, украшенного слоновой костью, и его стол. Остальные вещи были либо похищены, либо разломаны грабителями.

В других погребальных колодцах, также относящихся к восемнадцатой династии, были найдены пучки фальшивых женских волос, заботливо завернутые в полотно, и образцы керамики в виде посуды и подставки для головы.

Главная часть работы американской экспедиции в Фивах сконцентрировалась в храме Ментухотепа III в Дейр-эль-Бахри. На эти работы была затрачена колоссальная энергия, так как здесь работало около 400 рабочих, но здесь же были найдены и самые любопытные памятники, которые вполне вознаградили все усилия американских ученых.

Храм Ментухотепа III построен на большой площадке, высеченной под громадной нависающей скалой. Благодаря раскопкам Картера в 1900 году, Навиля и Хола в 1903 — 1907 годах и, наконец, раскопкам американской экспедиции в 1920 — 1922 гг., весь план храма и гробницы фараона в главных чертах нам стал известен. К храму вела аллея, окруженная с двух сторон двумя параллельными стенами, от которых сохранились одни следы. Аллея оканчивалась просторным прямоугольным, почти квадратным, двором, также обнесенным каменной стеной, которая отчасти сохранилась. Недалеко от середины двора, в его северо-восточной части, находится громадная гробница, получившая у арабов название Баб-эль-Хасан. Продолжением первой аллеи внутри двора служила вторая аллея, обсаженная смоковницами и украшенная статуями фараона, ведущая непосредственно к дверям храма и к его главной колоннаде и затем уже к могиле фараона Ментухотепа III.

Раскопки американской экспедиции ограничились на этот раз подробным исследованием южной части большого предхрамного двора с целью найти гробницу, соответствующую Баб-эль-Хасану, и другие какие-либо могилы. Хотя это и не было найдено, работы были произведены не даром, так как при этом были открыты другие, весьма любопытные памятники. При раскопках были первым делом обнаружены остатки различных неоконченных и разломанных сооружений, которые указывают на то, что храм был построен не сразу и не по определенному плану, а что во время его постройки намерения его строителей несколько раз изменялись. Таких изменений плана Уинлок насчитывает три, пока, наконец, храм был построен в его окончательном виде.

Посредине двора, по направлению ко входу в храм был обнаружен двойной ряд, состоящий из двенадцати ям, каждая из них тридцати футов глубиной. В этих ямах были найдены корни и остатки смоковниц, статуи фараона и маленькие алтари близ них, — очевидно, это была грандиозная аллея из смоковниц, ведущая ко входу в храм. Близ южной линии смоковниц было найдено три параллельных ряда по семи ям в каждой с остатками в них тамарисковых деревьев, что наводит на мысль о существовании здесь в древности искусственно насажденного парка. Возможно, что в северной части двора будет найдено соответственно большее количество таких ям так как к северу от входа колоннада храма шире, что обнаружило бы симметричное нахождение близ храма двух парковых насаждений. Тут же был найден чрезвычайно любопытный памятник, указывающий на высоту архитектурного и топографического искусства древних египтян. Это обломки каменной плиты, изображающей план храма на котором аккуратными ровными линиями нанесены схематические очертания храма части двора и части тамарисковых и смоковничных аллей. Следующей интересной находкой была находка углового или краеугольного камня. Обычай торжественной закладки здания, в виде первого его камня, перешел к нам из глубокой древности. Мы находим его в Египте, где у каждого угла выстраиваемого здания клялись особые основоположные угловые камни и около них целый ряд вотивных пред-

местов. На этот раз в храме Ментухотепа III было найдено в одном углу храма четыре кирпича, из которых три заключали в себе инкрустированные таблички из дерева алебастра и бронзы. Таким образом, четыре материала: кирпич, дерево, алебастр и бронза—символизировали те четыре строительных материала, из которых был построен этот храм. Такой же угловой камень был найден и в Дейр-эль-Бахрийском храме Хатшепсут, но там около него оказались другие предметы: кроме обычных жертв здесь были найдены перешелка, несколько фигов и лоток из фиговых веток, наполненный пучками сельдерея, а вместо четырех символических кирпичей — набор строительных инструментов, состоящий из топора, тесла, колотушки, двух родов долот, плавильника, формы для кирпичей, деревянной кирки и камышевой корзинки для песка.

Наконец, в храме Ментухотепа III было найдено еще несколько любопытных памятников; остатки подлинных строительных материалов и строительных инструментов того времени — сорок громадных веревочных корзин, наполненных осколками камня, и мотовило с намотанной на него веревкой.

Около храма, принадлежавшего Ментухотепу III, помещалось небольшое кладбище знатных фиванцев, может быть, всего лишь одного семейства, относящееся уже к концу двенадцатой династии. Владельцы этих могил происходили из высшего жречества и чиновничества Фив: «Хранитель Царской Печати», «Начальник пророков Карнака», «Главный пророк» — вот те титулы, которыми они украшали свои имена в местах своего вечного успокоения. От этих могил сохранились часовни из кирпича, в стены которых иногда были вделаны раскрашенные алтари из известняка, предназначавшиеся для статуй хозяина и его жены. Тут же были найдены деревянные и надгробные стелы, очевидно, обычные древне-египетские вотивные плиты с изображением покойного перед столом жертвенных приношений. А оказавшиеся здесь определенного вида черные прямоугольные саркофаги благодаря другим указаниям теперь вполне точно датируются концом двенадцатой династии.

К концу восемнадцатой династии, как известно, Дейр-Эль-Бахри стал одним из центральных пунктов культа богини Хатор, и в храме Ментухотепа III был построен алтарь, в котором помещалось то священное изображение божественной коровы, которое было найдено Навилем. Эта святыня пользовалась большой популярностью у набожных фиванцев, которые толпами стекались сюда, принося богине свои жертвы и дары. Они заключались обычно в нитках бус или в голубых фаянсовых тарелках с фруктами и цветами, которые возлагались молящимися к подножию высокочтимого кумира. Время от времени жрецы богини Хатор очищали храм от накопившихся в нем даров и выбрасывали малоденные предметы за ограду храма, где их нашел теперь заступ современного исследователя.

Прошла еще длинная вереница столетий, и большая песчаная дюна покрыла теперь разрушенную стену на южной стороне двора храма Ментухотепа III. Здесь в эпоху двенадцатой династии фиванская беднота, говоря современным языком — пролетариат, одного из крупнейших торговых центров древнего Египта устроил кладбище для своих покойников. Недостаток средств не позволял бедному люду устраивать себе дорогих погребений; здесь редко найдешь хотя бы грубый саркофаг, обычно же покойника просто на просто заворачивали в старые тряпки, перевязывали его тело пальмовыми ветками, а ноги и руки кроме того связывали вместе отдельно под этой скудной погребальной одеждой. Эти нищенские погребения фиванских бедняков позднего времени живо напоминают нам современные погребения недалеко ушедших от них феллахов и египетских арабов, наследовавших их землю и отчасти их культуру. Никаких приношений, никаких жертв и памятников не находим мы здесь, только изредка гирлянды листьев и корзины с бусами.

Одна могила одиннадцатой династии, раскопанная американцами и принадлежащая к серии могил, уже описанных выше, была приспособлена для зажиточных людей двадцать пятой династии. Во дворе этой могилы была построена кирпичная часовенка, у входа в которую было посажено пальмовое дерево. В самой же могиле и в маленьких комнатах близ нее были найдены антропоморфные саркофаги и четыре

деревянные стелы семьи жрецов и жрец Аммона. На одной стороне этих стел изображен Анубис, ведущий душу покойного к восседающему на престоле Гармахису, а на другой богиня Нейт, исходящая из дерева и утоляющая двумя длинными струями влаги жажду покойных, сидящих по обе ее стороны на креслах. Вот те разнообразные памятники, относящиеся к разным периодам египетской истории, которые были найдены у южной стороны двора храма Ментухотепа III в Дейр-Эл-Бахри.

Не менее интересные памятники были найдены и к северу от этих мест, также вблизи этого храма.

Здесь придворные эпохи одиннадцатой династии, строго соблюдая установленную табель рангов, расположили свои гробницы. Под высокими нависающими скалами каждый из них вырубал себе просторную площадку, а там, где камень был недостаточно прочным, делал кирпичный фасад с дверью посередине. Гробница начиналась коридором, высеченным в скале и ведущим к квадратной комнате, в которой находилась стела или статуя покойного. А под полом этой комнаты был скрыт потайной ход, ведущий в комнату с саркофагом. Но, несмотря на эти предосторожности, почти все могилы были разграблены. Вполне типичной для этого разряда могил является могила некоего Ипи. Вокруг нее расположился целый ряд могил членов его семьи, его челяди и домочадцев. В этих могилах были найдены интересные памятники, дающие представление об искусстве бальзамирования покойников и приготовлении мумий в древнем Египте. Вся эта процедура производилась, как теперь ясно обнаружилось, в особой комнате недалеко от погребального покоя, в которой и были найдены кувшины с различными составами, горшки с солью и стряпками и, наконец, деревянная платформа с четырьмя перекладинами, на которой происходил, очевидно, самый процесс бальзамирования, таинственный смысл которого потерян в глубине веков. О несомненно магическом характере этого ритуала свидетельствуют деревянные изображения символа жизни, помещенные на углах платформы, маленькая восковая мумия в особом саркофаге и любопытные магические заклинания, начертанные на деревянных гвоздях и скрепах этого саркофага.

«Пусть будут соединены твои кости на Великом Кладбище Гором, обнимающим тебя» — гласит одно из них; в другом же говорится о том, чтобы дети Гора закутали покойного в нетленные полотна. Такие же магические заклинания писались часто на коже руки или на полотнах мумии. Иногда горло, локти, запястья и лодыжки мумии перевязывались веревкой, которая снабжалась магическим числом узлов (7, 14, 21). Наконец, в одной могиле были найдены листья одной чудодейственной травы, венком из которой жрец обметал погребальную комнату, изгоняя этим оттуда следы злых духов.

В этих могилах были найдены любопытнейшие папирусы, которые нам дают богатейший материал для суждения об экономическом состоянии Египта в эпоху раннего Среднего царства и рисуют яркую картину семейной жизни того времени. Описание этих папирусов выходит за пределы настоящей заметки и могло бы послужить предметом особой статьи.

В. Аедис

